

А. А. Вовин

К ВОПРОСУ О КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ПСКОВЕ В XIV–XV ВЕКАХ

Князь – одна из самых плохо изученных фигур псковского политического ландшафта. В работах многих исследователей князя остаются своеобразными статистами, в то время как основной фокус внимания направляется на социальный состав веча и складывание боярской олигархии. Одним из первых к проблеме княжеской власти в Пскове обратился А. И. Никитский. По его мнению, власть князя была изначально в Пскове слабой. Причиной этого служило подчиненное положение последнего по отношению к Новгороду. В князе, присланном из старшего города, псковичи видели лишь «слугу новгородского веча». Соответственно после обособления от Новгорода псковичи продолжали взирать на князей как на главных исполнителей роли веча, теперь уже псковского¹. Сугубо подчиненное положение князя по отношению к вечу исследователь иллюстрирует пассажем из Псковской I летописи (далее – П1Л), в котором псковичи «послаша князя Григория послом». По мнению А. И. Никитского, приведенный отрывок однозначно указывает на подчиненное положение князя по отношению к вечу. Фигуру князя он рассматривает статично, без учета возможного развития института княжеской власти.

Мы не можем согласиться с исследователем вот по каким причинам. Во-первых, фразы «...псковичи послаша князя Григория» и последующая «...от Пскова целовал крест князь Григорий»² совершенно не обязательно вслед за А. И. Никитским понимать буквально,

¹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 124.

² Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 25–26.

как принятое вечевым собранием решение отправить послом князя Григория, которому тот послушно подчинился. Речь в данном случае может идти и о том, что решение князя Григория поехать на заключение мира было лишь санкционировано, а не предписано псковичами. Не стоит забывать, что князь Григорий вместе с двумя посадниками поехал заключать мир с Новгородом, который представляли посадник и тысяцкий, чья значимость в политической системе Новгорода начала XV в. вряд ли может быть поставлена под сомнение. Следовательно, и заключение мира следует понимать скорее как встречу высших должностных лиц, имеющих право на принятие решений, чем как формальный акт подписания договора «слугами веча». Князь Григорий, конечно, вместе с посадниками мог представлять весь Псков, целуя *от него* крест, что говорит об особом положении князя, отличном от простой роли военачальника, которую ему приписывал А. И. Никитский.

Вторым аргументом против концепции А. И. Никитского может служить отсутствие прямых указаний на то, что в ранний период псковской истории князья в Псков назначались из Новгорода. Предположение исследователя о таких назначениях основано исключительно на упоминаниях в новгородских летописях пригородских князей. Между тем в последнее время в историографии преобладает мнение, что Псков вообще никогда формально не был новгородским пригородом, что у него был промежуточный статус младшего союзника³.

Следующим исследователем, обратившим пристальное внимание на проблематику княжеской власти в Пскове, стал Ю. Г. Алексеев⁴. Его взгляд на фигуру князя в псковской истории коренным образом отличается от взгляда А. И. Никитского. В представлении Ю. Г. Алексеева князь – самостоятельная фигура псковской политики, получившая в свои руки широкие полномочия управления псковскими пригородами через своих людей. По мнению Ю. Г. Алексеева, власть князя ограничила полномочия веча, отобрав у последнего право суда. Ключевым аргументом в пользу такой интерпретации стали статьи Псковской судной грамоты (далее – ПСГ), посвященные разделению судебных полномочий⁵.

³ См.: Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 145–152; Янин В. Л. Болотовский договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.

⁴ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 21.

⁵ Речь идет, прежде всего, о формулировке «князь ... на вече суду не судит» из 5 статьи Псковской судной грамоты.

Ст. 3. «...а без исправы человека не погубити ни на суду на вече». Трактовка этой формулировки, завершающей, вероятно, текст клятвы посадника при вступлении того в должность⁶, неоднозначна. И. Энгельман⁷ понимал это как «ни на суду, ни на вече». Здесь он видел противоречие со следующей статьей, в которой, по его мнению, запрещался суд на вече как таковой. Отсюда исследователь делал вывод о разном времени создания статей. Как нам кажется, 4-я статья («А князь и посадник на вече суду не судять, судити им на оу князя на сенях...») лишь устанавливает запрет посаднику вершить суд на вече, но не запрещает сам суд на нем или участие в нем посадника в любом другом качестве. В. О. Ключевский также понимал этот отрывок как «ни на суду, ни на вече». По его мнению, «погубить на суду» значило выдвинуть несправедливое обвинение в преступлении, а «погубить на вече» означало «политически очернить». Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев понимали этот отрывок скорее как «на суду на вече», приводя в качестве доказательств известные нам по летописям случаи такого суда⁸. Ю. Г. Алексеев прямо не комментирует этот отрывок, однако далее он поясняет начало ст. 4 как запрет на вечевой суд вообще и выражает сомнение в том, что тот когда-либо существовал⁹. Мы склонны согласиться с трактовкой Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева, так как такое понимание более согласуется с нормой 4-й статьи, гласящей: «А князь и посадник на вече суду не судять, судити им оу князя не сенех...»

Эта норма лишь запрещает князю и посаднику производить суд на вече. Нет никаких оснований утверждать, что она запрещает такой суд в принципе. Ведь из летописных источников, как уже говорилось выше, нам известны случаи вечевого суда позже 1464 г. – условной даты появления последней редакции Псковской судной грамоты. В этом свете утверждение Ю. Г. Алексеева, что статья 4 отменяет вечевой суд, представляется недостаточно обоснованным. Такое мнение идет вразрез и с зафиксированной 108-й статьей (третье и последнее прямое упоминание вече в тексте ПСГ) нормой, в которой как раз закрепляется право вече изменять содержание ПСГ и устанавливается отчетность посадника перед вечем. Речь, таким образом, вряд ли может идти о получении князем всей полноты неразделимой судебной власти, тем более что даже в случаях с делами, входящими в юрис-

⁶ Псковская судная грамота: Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1999. С. 58.

⁷ Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855.

⁸ Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская судная грамота: (Новый перевод и комментарий) // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 263–297.

⁹ Псковская судная грамота... С. 59.

дикцию князя, суд по ним проходил с участием посадника и «господы». Случаи такого суда известны нам и по актовому материалу¹⁰.

Конструкция Ю. Г. Алексеева имеет еще один существенный недостаток. Она статична, в ней нет динамики, что, конечно, легко объясняется спецификой источника, на котором построена вся его работа, т. е. Псковской судной грамоты. Непреодолимые противоречия заголовка, невозможность серьезного текстологического анализа ввиду наличия только двух поздних списков, из которых один дефектен, дают богатую почву для рассуждений о различных редакциях памятника, их напластованиях и пр. В результате отдельные нормы права, содержащиеся в Псковской судной грамоте, трудно, если не невозможно, датировать. Памятник этот, будучи одним из важнейших источников по нашей проблематике, сам по себе, без поддержки данных других источников, существует в безвременном пространстве. Князь, описываемый в работе Ю. Г. Алексеева, тоже несет в себе черты князей разных эпох.

Есть несколько вопросов, связанных с княжеской властью, которые до сих пор не изучались. К таковым можно отнести проблему реконструируемого по летописи одновременного княжения нескольких князей.

В статье за 1397 г. мы читаем в П1Л (текст Псковской Ш летописи (далее – ПЗЛ) в смысловом отношении не отличается, в Псковской II летописи (далее – П2Л) вообще отсутствует): «Князь Иван Андреевич и князь Григорий Остафьевич и посадник Захария и мужи псковичи поставиша три костра»¹¹.

Как видим, в этот момент в Пскове было два князя одновременно. Затем, в 1399 г., «...князь Иван Андреев сын ... поеха из Пскова, крестное целование сложив»¹². И псковичи в этом же году «...испросиша себе князя Ивана Всеволодовича ... и приеха князь Иван Всеволодович во Псков»¹³.

Далее в ПЗЛ имеется сообщение, отсутствующее в П1Л: «Тоа же осени выеха из Пскова князь Иван»¹⁴. Через два года, в 1401 г., «...приехав князь Данило Александрович во Псков от великого наместником»¹⁵. На следующий год упоминаются два князя: недавно приехавший Данило Александрович и князь Григорий: «...при князе Даниили Александровичи и при князи Григории Остафьевичи»¹⁶. Еще

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949. С. 323.

¹¹ Псковские летописи. Вып. I. С. 25.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Там же.

¹⁴ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 109.

¹⁵ Там же. Вып. 1. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 26.

через год (в 1403 г.) мы встречаем и в П1Л, и в ПЗЛ следующее высказывание: «Князь Иван Всеволодович преставися»¹⁷. Затем, еще через год, в 1404 г.: «...князь Григорий пострижеса в мнишеский чин»¹⁸.

Если судить по П1Л, картина получается следующая. С 1397 по 1404 г., т. е. примерно в течение семи лет (учитывая известную условность летописных дат), в Пскове было несколько князей: с 1397 по 1401 г. два, с 1401 по 1402 г. три, затем, после смерти Ивана Всеволодовича и до пострижения князя Григория Остафьевича, снова два. В ПЗЛ картина несколько иная (не более двух князей в момент времени) за счет вышеупомянутого дополнения о скором отъезде Ивана Всеволодовича. Вариант П1Л мне кажется более правдоподобным по следующей причине. Если принять вариант ПЗЛ, по которому князь Иван Всеволодович недолго пробыл псковским князем, то непонятно, почему его смерть отмечается летописцем особо. Это не характерно для псковских летописей, фиксирующих, как правило, только смерть псковских князей (а по ПЗЛ, в момент смерти князь Иван Всеволодович уже не был таковым).

Даже если мы примем вариант ПЗЛ, все равно остаются два князя одновременно. Всё сходится на фигуре князя Григория Остафьевича, бывшего вторым князем весь рассматриваемый семилетний период. В литературе можно встретить ставшую общей точкой зрения, что Григорий Остафьевич был не псковским, а изборским князем. Она основывается на предположении, что Григорий Остафьевич был сыном князя Остафия, умершего в 60-е гг. во время мора. В самом этом предположении нет ничего сомнительного. Стоит, правда, отметить, что князь Остафий первый раз упоминается под 1323 г. как военачальник, т. е. ему было не меньше 20 лет в этот момент, пик же политической активности Григория Остафьевича приходится, как мы видим, уже на конец XIV в. Таким образом, теоретически князь Остафий мог быть отцом князя Григория, но годился ему скорее в деды.

Князя Григория называют «изборским князем» вслед за князем Остафием. А был ли сам Остафий таковым? Честь создания представления о существовании особенных, изборских князей принадлежит, по-видимому, А. И. Никитскому. С его легкой руки оно прочно закрепилось в историографии. Способствовали его укоренению, конечно, и «перенесенные» на псковскую почву новгородские пригородские князья. Теория об «изборских князьях» базируется на единственном употреблении такого словосочетания, которое мы находим в П2Л. Речь идет об описании осады Пскова ливонцами и помощи, которую

¹⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 28.

князь Остафий оказал псковичам. Сравнение параллельных чтений П1Л, П2Л и ПЗЛ дает интересные результаты (табл. 1).

Таблица 1

Год	П1Л (Тихановский список)	П2Л (Синодальный список)	ПЗЛ (Строевский список)
1326 (6831)	И паки князь Остафий подымя изборян, овы на конях, овы пешцев и поидоша в помощь псковичем	Тогда Остафий князь изборский подымя изборян коников и пешцев	И паки Остафий князь подымя изборян, овы на конях, овы пешцев, тогда бяшетъ ему в Изборске , и поидоша в помощь псковичем

Как видим, П1Л и ПЗЛ не называют Остафия изборским князем. Причем последняя дает пояснение, что Остафию случилось быть в то время в Изборске. Если бы он был изборским князем, маловероятно, что он удостоился бы такого комментария. Характерно, что князь Остафий, будучи упомянут дальше во всех трех летописях, нигде не только не называется прямо изборским князем, но и не упоминается больше вместе с изборянами или Изборском. Приведенный выше отрывок из П2Л, вероятно, не что иное, как результат сокращения, которое вообще характерно для этой летописи. В итоге князь, оказавшийся в Изборске, превратился в «изборского князя». Вообще, учитывая, что в самом Пскове на протяжении XIV в., если судить по летописи, далеко не всегда был князь, то уж для псковского пригорода Изборска князь в таком случае был непозволительной роскошью.

Таким образом, следует признать, что князь Григорий Остафьевич, родственная связь которого с князем Остафием далеко не выглядит бесспорной и который сам в летописях никогда не упоминается как изборский князь, был князем псковским. Соответственно на рубеже столетий в Пскове было возможно многокняжие. Последнее не укладывается в традиционные представления о княжеской власти, в которых фигура князя занимает центральное положение в системе управления, являясь верховным правителем земли. В этом свете утверждение Ю. Г. Алексеева, что «позиции князя и его аппарата в Пскове были, по всей видимости, более сильными» по сравнению с Новгородом¹⁹, выглядит несколько преждевременным. О какой силе князя и его администрации можно говорить в условиях одновремен-

¹⁹ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота... С. 14.

ного сосуществования в Пскове нескольких князей? Здесь уместнее вспомнить о противоположной позиции, занимаемой А. Е. Никитским, в которой князь предстает всего лишь «службой веча». Нет ничего удивительного в том, что таких «слуг» могло быть несколько. Вместе с тем некоторая искусственность конструкции А. Е. Никитского, уже отмечавшаяся выше, не дает нам возможности примкнуть к его мнению. Несомненно также значение князя в судебных делах, показанное Ю. Г. Алексеевым. Разрешить возникшее противоречие поможет рассмотрение летописных штампов и заголовков псковских грамот, в которых упоминаются или, наоборот, не упоминаются псковские князья.

В псковском летописании мы часто встречаемся с формулой: «князь, посадник и весь Псков» или «князь, посадник и все псковичи (мужи-псковичи)». Она рефреном звучит во всех псковских летописях в контексте принятия тех или иных политических решений. Нельзя, конечно, сказать, что формула эта предстает всегда в одном неизменном виде – вариантов у нее много. Один из самых распространенных отличается отсутствием слова «князь» («посадник и весь Псков»). Самый расширенный вариант мы находим в Тихановском списке Псковской I летописи: «А князь псковский, и посадники псковски, и боляря, и добрые люди, и вси мужи псковичи»²⁰.

При этом в П2Л более пространные формулировки зачастую заменяются краткими «весь Псков» или «псковичи». В случае с П2Л краткость объясняется в рамках гипотезы Грабмюллера, согласно которой Синодальный список был составлен одним из участников брани о смердах для оправдания или высвечивания собственной роли. Все события до 1462 г. представлены в нем в весьма сокращенном виде. Справедливость последнего утверждения исследователя легко проверить при сличении Тихановского (П1С) и Синодального (П2С) списков, восходящих к своду 1464 г. (см. табл. 2).

Многочленные формулировки Тихановского списка в Синодальном сокращаются до одночленных. С точки зрения и А. Н. Насонова, и Г.-Ю. Грабмюллера, между П1Л и П2Л существует идеологическая разница. Первый видит ее в особенных «промосковских» настроениях составителя свода 1483 г. (т. е. П2Л), сознательно приносившего роль псковских республиканских институтов, максимально избегая, например, упоминания веча. Г.-Ю. Грабмюллер же считает ее памятником посаднического летописания. Ни та, ни другая концепция не может объяснить замену более пространной формулировки более краткой идеологическими причинами, следовательно, можно предположить, что именно сокращение, которое просматрива-

²⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 51.

ется не только на уровне формул, но и вообще во всем тексте, и было самоцелью такой замены. Значит, для составителя свода 1483 г. конструкция «весь Псков» была в определенном смысле синонимична более распространенным вариантам.

Таблица 2

Годы	Тихановский список	Синодальный список
1455	А посадники псковские и все мужи псковичи много ему биша челом ²¹	А псковичи много ему биша челом ²²
1456	Посадники псковские, и бояря, и вси мужи псковичи прияха его с великой честью ²³	Псковичи прияха его честно ²⁴

Одночленная формула «весь Псков» (или «псковичи») встречается не только в П2Л, но и в П1Л и П3Л наряду с более полными вариантами. Следующей по степени распространенности формулой является «посадник и весь Псков» (возможно с «сотскими»). В динамике изменения подобных формулировок легко увидеть определенную хронологическую закономерность. Вплоть до середины XV в. означенная двучленная формула («посадники и весь Псков») остается практически без изменений. Примерно с этого времени в нее постепенно начинают включаться: «князь» (чаще всего), а также «бояре», «житьи люди», «купцы» и пр. Это говорит, по всей видимости, об определенной динамике развития представлений о власти, отраженной в летописях.

Говоря о власти, мы должны понимать, что представления о ней не обязательно соответствуют политической конъюнктуре в конкретный момент времени. По крайней мере мы должны различать их и автоматически не смешивать. Равно и в источниках они могут быть отражены по-разному. В существующей историографии проблема соотношения реальной политики и представлений о структуре власти применительно к Пскову XIV–XV вв. не разрабатывалась. Во второй половине XIX в. исследователи, например А. И. Никитский,²⁵ обращаясь к формальной юридической стороне вопроса, воспринимали подобные летописные формулировки нередко буквально. В XX в. акцент исследования сместился скорее на реальную политику, однако

²¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 52.

²² Там же. Вып. 2. С. 49.

²³ Псковские летописи. Вып. 1. С. 54.

²⁴ Там же. Вып. 2. С. 49.

²⁵ *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. С. 116.

проблема интерпретации штампов осталась. Так, например, Н. Н. Масленникова сообщение ПЗЛ «посадники и бояре и купцы и весь Псков даша ей 50 рублей» трактует как факт, что посадники, бояре, купцы и все псковичи собрали 50 рублей²⁶. Последний пример показывает, что исследовательница не пыталась критически осмыслить подобные рефрены и понимала их буквально.

Сама частотность упоминания различных вариантов «формулы князь, посадники и весь Псков» во всех псковских летописях наводит на мысль, что перед нами не что иное, как описание «мистического тела» псковской власти, т. е. не описание того, что, условно говоря, было, а того, как должно было быть. Обратимся к заголовкам некоторых дошедших до нас псковских актов, которые по своей природе должны содержать представления о носителях власти.

Грамота Пскова Риге,²⁷ датируемая началом XIV в., начинается словами: «От посадника Сидора, и от Рагуила, и оть всех сотских, и оть всех плесковиц». В купчей князя Скиргайло на землю²⁸ (70–80-е годы XIV в.): «От посадника Юрья от сотских и от всех плесковиц». В договоре Пскова с Ливонским орденом 1417 г.²⁹ читаем: «Dar umme heft unsere herschaft uns utgesandt, de borgermeister von Pleskow und alle Pleskowe (Нас послали наши власти, псковский посадник и весь Псков)». В договорной грамоте Казимира с Псковом³⁰ находим: «...от всего Пскова».

В грамоте Пскова Риге³¹ 1462–1463 гг.: «От княжа псковского Ивана Александровича и от посадника псковского степенного Максима Ларионовича и от всех посадников псковских и от бояр псковских и от купцов и от всего Пскова». В грамоте Пскова Ивану III³² 1477 г.: «...посадники псковские степенные и старые посадники и сыны посадничьи и бояре и купцы и житьи люди и весь Псков». В грамоте королю Казимиру³³ 1480 г.: «Се урядиша господине князь псковский Василий Васильевич и вси посадники псковские и весь господине Псков».

В договоре Пскова с Ливонским орденом³⁴ 1503 г.: «Von dem fursten von Pleskaw Dimitre Volodimerewitz, von den borgermeistern to Pleskaw de oversten, von olden borgermeistern, und von alle grote Pleskaw

²⁶ Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 69.

²⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 317.

²⁸ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 46.

²⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 318.

³⁰ Там же. С. 321.

³¹ Там же. С. 323.

³² Там же. С. 324.

³³ Там же. С. 325.

³⁴ Там же. С. 331.

(От князя псковского Дмитрия Владимировича, от степенных посадников, от старых посадников и от всего великого Пскова)».

Картина, реконструируемая по актовым материалам, принципиально не отличается от видимой в летописном. Прослеживаются те же хронологические закономерности. В частности, важным моментом является, на наш взгляд, то, что, как и в летописях, «князь» начинает включаться в подобные формулировки лишь начиная со второй половины XV в. Вероятно, это свидетельствует, что в более ранний период, по крайней мере в XIV в., князь мыслился не частью системы управления Псковом, а своего рода инородным телом: приглашенным военачальником, судьей. Он не был, конечно, слугой веча, но в то же время и верховным властителем Псковской земли его считать нельзя. В рамках такой концепции вполне объяснимо и многокняжие. Нет ничего странного в том, что подобных приглашенных князей было несколько.

В XV в. ситуация начинает меняться. Возрастает зависимость Пскова от Москвы, выражавшаяся, в частности, в практике назначения московских князей великими князьями в Псков, сначала с одобрения его жителей, а затем и без такового. Вместе с тем псковский князь, или теперь князь-наместник, постепенно включается в систему управления Псковом. Он приобретает определенные полномочия, закрепленные письменно, – в Псковской судной грамоте. Князь становится одним из центров силы в Пскове, членом его магистрата.

Этот процесс сопровождается и появлением ритуализированных символических актов, сопровождающих его вокняжение. Прежде всего речь идет о крестоцеловании. Впервые эта процедура упоминается в связи с приездом в Псков на княжение Александра Тверского в первой половине XIV в.: «...псковичи прияша его честно и крест ему целоваша и посадиша его на княжение»³⁵.

Как видим, речь идет лишь о целовании псковичами креста князю, а не наоборот. Тем не менее из описания того, как этот же князь покидал Псков, можно заключить, что присяга была обоюдной. Не желая подвергать опасности псковичей, летописный князь Александр, объявляя о своем отъезде, обращается к псковичам со следующими словами: «...не буди вашего целования на мне ни моего на вас».

Перед нами, вероятно, судя по ее характеру, ритуальная формула разрыва устного договора, фактически заключавшегося между Псковом и князем. Такой договор свидетельствует о недостаточной инкорпорированности князя в город, которая и вынуждает закреплять их отношения взаимным крестоцелованием.

³⁵ Псковские летописи. Вып. I. С. 16.

Взаимная присяга псковичей и князя упоминается на протяжении XIV в., постепенно сменяясь на присягу князя «ко Пскову». Причем на протяжении XV в. она начинает приобретать все более сложные ритуализированные формы. В летописях мы находим устойчивые нарративные конструкции, описывающие процедуру такой присяги: «И священноиноки и священники и дьяконы выидоша противу его с кресты и соустрекали его у Старого Вознесеия и прияша его честно и посадиша его на княжение во святеи Троицы; и крест целовал на вечи по пошлинной грамоте»³⁶.

Подобный текст с вариациями повторяется в летописи много раз. Его можно было бы счесть штампом, готовой формулировкой, описывающей процедуру поставления псковского князя, совершенно обязательно выполняющуюся с соблюдением всех действий, зафиксированных летописью. Однако у нас есть основания полагать, что речь все же идет о подлинной церемонии, без осуществления отдельных элементов которой вокняжения в глазах псковичей не происходило. Так, описывая приезд в Псков в 1461 г. князя Владимира Андреевича в качестве наместника великого князя, летописец ограничивается скупым замечанием: «И псковичи прияша его с великой честию»³⁷.

Здесь нет никакого упоминания ни встречи его всем духовенством с крестами, ни посажения на княжение в Святой Троице, ни крестоцелования на вече. Уже через год псковичи «...выгнаша из Пскова князя Володимера Андреевича, а невегласы псковичи, злыя люди, сопхнувши его степени»³⁸.

Похожая история произошла и с князем Иваном Михайловичем Репней-Оболенским, приехавшим в Псков «не пошлиною». Летописец подчеркивает неполноту церемонии его вокняжения: «А противу его со кресты не ходили»³⁹ а то Репня не по крестному целованию оучал во Пскове житии»⁴⁰.

Можно предположить, что и прочих необходимых ритуальных действий совершено не было. Опять же менее чем через год князь поехал «великому князю жаловатися на псковичь, что де его псковичи бесчествовали»⁴¹.

Как видим, князь, не прошедший необходимой процедуры поставления, ненадолго оставался в Пскове, более того, псковичи даже могли обойтись с ним довольно неуважительно. Его княжеская власть

³⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 81.

³⁷ Там же. С. 61.

³⁸ Там же. С. 62.

³⁹ Там же. С. 92.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

не была подтверждена крестоцелованием «ко Пскову», как в случае с прошедшими определенную процедуру князьями.

Княжеская власть в Пскове на протяжении XIV–XV вв. не оставалась неизменной. Князь проходит путь от роли наемного военачальника, приглашаемого и изгоняемого волею псковичей, до одного из важнейших членов городского магистрата, назначаемого великим князем. Начиная с первой половины XV в. князья постепенно включаются во властную структуру Пскова. Они приобретают право суда, закрепленное в юридических документах. Во второй половине XV в. в псковской истории есть только небольшие отрезки времени, когда в городе отсутствует князь. Это лишь короткие промежутки междуцарствий, а не десятилетиями пустующий княжеский «стол». Хотя собственно «стол» начинает упоминаться в псковском летописании с XV в., в XIV в. псковичи сажали князя «на княжение», а в XV в. уже «на стол». Княжеская власть становится воспроизводимой, регулярной, т. е. из эпизодического явления, которым она была отчасти в XIV в. и ранее, превращается в политический институт, ставший частью системы управления Псковом.